

Когда Лян Шэнь вошёл в комнату к Шанвэню, он на кровати уже снова свернулся под одеялом.

Маленький комок.

Он всегда так спал.

Лян Шэнь видел это бесчисленное количество раз ещё раньше — Цзянь Шанвэнь любил закутываться в одеяло целиком, плотно прячась со всех сторон, словно оно было его единственной защитой от мира.

Позже Лян Шэнь долго отучал его от этой привычки.

И вот теперь всё вернулось на круги своя.

Закрыв дверь, он подошёл к кровати и остановился рядом, глядя сверху вниз на скрывшегося под одеялом человека.

Поправив очки, Лян Шэнь спокойно спросил:

— Зачем ты мне звонил?

Ответа не последовало.

Тогда он слегка откинул край одеяла.

Из-под него показалось лицо Цзянь Шанвэня — маленькое, всё ещё покрасневшее от жара. Похоже, тот только успел уснуть и теперь, потревоженный, ещё не до конца понимал, что происходит.

Рука Лян Шэня оказалась совсем рядом с его лицом.

От ладони тянуло прохладой.

И Цзянь Шанвэнь, почти не просыпаясь, инстинктивно потёрся о неё щекой, словно использовал его руку вместо холодного компресса.

Лян Шэнь нахмурился:

— Почему опять температура?

Цзянь Шанвэнь что-то невнятно пробормотал:

— Не знаю...

Лян Шэнь привычно открыл шкаф и быстро нашёл лекарство.

Сам он почти никогда не болел, но дома у него уже много лет жил настоящий «хронический пациент», так что названия всех препаратов он давно выучил наизусть.

Достав таблетки, он без особой церемонности приподнял Цзянь Шанвэня.

— Пей.

Голос был ровным и прохладным.

Цзянь Шанвэнь послушно наклонился вперёд. Даже не стал брать стакан — просто пил воду прямо из его рук.

Его лицо почти лежало у Лян Шэня на запястье.

Сделав пару глотков, он недовольно нахмурился:

— Горько...

Лян Шэнь тут же усмехнулся:

— Неженка.

Цзянь Шанвэнь лениво проигнорировал его. Проглотив лекарство, он сразу оттолкнул Лян Шэня и попытался снова закутаться в одеяло.

Увидев, как быстро тот «отблагодарил» его после помощи, Лян Шэнь холодно рассмеялся:

— И это твоя благодарность? Что, даже сказать ничего нельзя? Если бы ты сам не напросился — не попёрся бы смотреть это цветение эпифиллума под дождём — сейчас бы не валялся с температурой.

Цзянь Шанвэнь, заметив, что у Лян Шэня снова начинается его привычный приступ язвительности, окончательно потерял желание с ним разговаривать.

Всю ночь он думал о перекладине.

Поняв, кто стоит за всем этим, он начал просчитывать, как лучше разобраться с ситуацией. На самом деле температура поднялась ещё утром — пока он разговаривал с Юй И, держался исключительно на упрямстве.

А сейчас голова уже настолько тяжело гудела, что он почти забыл: вообще-то именно он сам позвонил Лян Шэню и попросил прийти.

Надо было звонить Фу Цзиньчэну.

Тот хотя бы молчит.

Он только что избавился от серьёзной проблемы и теперь хотел лишь одного — спать.

Но Лян Шэнь, наоборот, будто оживился.

— Значит, я угадал? — с лёгкой усмешкой спросил он.

И явно собирался продолжить.

Однако человек под одеялом вдруг снова поднял голову.

Тонкие длинные пальцы мягко коснулись губ Лян Шэня, заставляя его замолчать.

Вместе с этим движением ближе скользнул и знакомый сладковатый запах.

— Лян Шэнь... — голос Цзянь Шанвэня был хриплым от болезни и сонной усталости, но эта лёгкая сиплость почему-то звучала почти соблазнительно. — Я ведь тоже мок под дождём ради

тебя, разве нет? Если тебе так хочется поревновать — иди предъявляй претензии этому эпифиллуму. А сейчас дай мне поспать... ладно?

В комнате повисла тишина.

Лян Шэнь застыл.

А когда опустил взгляд — понял, что Цзянь Шанвэнь уже снова уснул.

Он молча смотрел на него ещё долгое время.

И больше не произнёс ни слова.

На следующий день температура у Цзянь Шанвэня спала.

Он наконец смог вернуться к съёмкам.

И как раз успел к самому оживлённому событию в деревне — ежегодному празднику благословений.

В этот день жители поднимались к большому дереву на заднем холме и вешали на него таблички с желаниями и молитвами.

Для всей деревни это был особенный праздник.

Площадка для молитв уже с самого утра была заполнена людьми. Вечером здесь собирались устроить пир, танцы и народные гуляния. Каждый мог написать своё желание на дощечке и повесить её на дерево.

В глубине рощи раскинулось огромное старое дерево, почти полностью укрытое алыми лентами.

Они колыхались на ветру, шелестя среди листвы.

Цзянь Шанвэнь стоял на каменных ступенях и смотрел вверх.

Солнечный свет пробивался сквозь листья, рассыпаясь по земле тысячами дрожащих осколков света.

Неподалёку деревенские жители и участники программы суетились, помогая готовиться к празднику.

— Ты опять так легко оделся?

Голос раздался сзади.

Цзянь Шанвэнь обернулся.

К нему подошёл Ци Янь.

Он улыбнулся:

— Я уже поправился.

У Ци Яня почти вырвалось привычное ворчание.

Когда-то, пока они были вместе, он прекрасно знал: Цзянь Шанвэнь умеет заботиться о других так, будто для этого и родился. Но вот о себе — совершенно нет.

Именно поэтому Ци Янь тогда вечно переживал за него, постоянно напоминал то одеться теплее, то вовремя поесть, то не перерабатывать.

Столько времени прошло.

Он думал, что давно избавился от этой привычки.

Но стоило снова увидеть этого человека — и желание начать ворчать вернулось само собой.

Нельзя.

Иначе Цзянь Шанвэнь точно будет над ним смеяться.

Поэтому Ци Янь поспешно сменил тему:

— Вечером будет обряд. Можешь сходить туда и взять красную нить, чтобы повязать на дерево.

— О-о, — протянул Цзянь Шанвэнь и улыбнулся. — Я уже однажды участвовал в таком.

Сейчас всё ещё шла подготовка к вечернему празднику, а трансляцию временно отключили ради сюрприза для зрителей, так что он говорил совершенно спокойно и открыто.

Ци Янь замер.

Потом медленно поднял на него взгляд:

— Уже участвовал?

— Ага. — Цзянь Шанвэнь легко усмехнулся. — Жаль только, не сбылось. Эх, может, я тогда был недостаточно искренним? Или желание оказалось слишком несбыточным... не для меня. Так что теперь хочу загадать новое.

Ци Янь стоял чуть выше на каменной площадке.

Солнце вытягивало его тень далеко за спину. Красивые черты лица — одновременно яркие и чистые — сейчас казались особенно резкими в свете дня. Он молча смотрел на Цзянь Шанвэня, и в глубине тёмных глаз словно лежала неподвижная глубокая вода.

После короткой паузы он всё-таки не выдержал:

— И какое желание ты тогда загадал?

Цзянь Шанвэнь рассмеялся:

— Ну конечно же разбогатеть.

Жаркое солнце всё так же падало на плечи Ци Яня.

Но свет в его глазах будто медленно погас.

Да...

А чего он вообще ждал?

Ци Янь тихо усмехнулся, почти холодно:

— Правда? По-моему, за последние годы у тебя всё прекрасно получилось.

— Да где там, — лениво пожал плечами Цзянь Шанвэнь. — Я до сих пор бедный как церковная мышь. Слушай, суперзвезда... может, это потому, что у нас желания похожие были? И вся моя удача досталась тебе? Смотри, какой ты теперь богатый.

На самом деле, даже после расставания Цзянь Шанвэнь не хотел делать из Ци Яня врага.

Поэтому иногда ему было совсем не сложно немного его задобрить.

Жаль только...

На лице Ци Яня не появилось даже тени улыбки.

Он поднял глаза на Цзянь Шанвэня и тихо произнёс:

— Не всем нужны только деньги.

Цзянь Шанвэнь театрально вздохнул:

— Ну что поделаться, я человек приземлённый.

Ци Янь аж чуть не задохнулся от раздражения.

Развернувшись, он бросил через плечо:

— Тогда молись своему горному Божеству как следует! Посмотрим, исполнит ли он твоё желание на этот раз!

Цзянь Шанвэнь лишь тихо рассмеялся ему вслед, глядя, как тот всё дальше уходит вниз по ступеням.

И всё же, несмотря на это, уже через пару минут к нему подбежал сотрудник съёмочной группы.

— Господин Цзянь, это ваша куртка.

— Мм? — удивился Цзянь Шанвэнь. — Вроде бы, я её с собой не брал...

Сотрудник неловко замялся, явно не зная, как объяснить происхождение куртки.

Цзянь Шанвэнь только понимающе улыбнулся и спокойно взял её:

— Всё равно спасибо.

Тот облегчённо выдохнул.

Серьёзно, что это вообще за безумное романтическое шоу? Почему участники не могут

нормально заботиться друг о друге и вынуждают персонал бегать между ними курьерами? Людям и так не просто — можно хотя бы не заставлять их разбираться в чужих чувствах?!

С гор постепенно начал спускаться вечерний ветер.

Цзянь Шанвэнь накинул куртку и машинально скользнул взглядом в сторону.

На одном из старых деревьев висела уже выцветшая красная лента.

Надпись на ней почти стёрлась, но всё ещё можно было разобрать неровные, по-молодому старательные строки:

«Пусть сердце обретёт того единственного, и пусть мы не расстанемся до самой старости».

Солнечный свет просачивался сквозь листву и слепил глаза.

Цзянь Шанвэнь тихо усмехнулся и отвёл взгляд.

Солнце постепенно скрывалось за горами.

На площадке становилось всё многолюднее — деревенские жители, гости из соседних городков, туристы. Повсюду уже зажигались костры, слышались музыка и смех.

Цзянь Шанвэнь отдыхал под навесом у рожи. Когда он вышел из тени деревьев, то как раз заметил поднимающегося по тропинке Фэй Чэна.

Тот небрежно собрал свои красные волосы в хвост. От костров вокруг шёл сильный жар, поэтому на нём была лишь чёрная майка и джинсы. Под тонкой тканью отчётливо выделялись широкая грудь и крепкое тело — неудивительно, что взгляды постоянно цеплялись за него.

На праздник съехалось много людей из соседних городков, и за каких-то пару минут Фэй Чэна уже успели несколько раз остановить — то девушки, то парни, наперебой приглашая его потанцевать.

Цзянь Шанвэнь не удержался и тихо рассмеялся.

На нём была маска лиса, но Фэй Чэн всё равно узнал его с первого взгляда.

Вообще-то Цзянь Шанвэня всегда было легко найти в толпе — тот самый человек, который стоит один в стороне и при этом выглядит красивее всех вокруг.

Фэй Чэн с трудом отделался от очередных приглашений и наконец протолкался к нему.

— Что смешного? — недовольно буркнул он.

В глазах Цзянь Шанвэня плясали искры смеха.

— Да ничего. Просто смотрю, какой ты красавчик.

От света костров лицо Фэй Чэна тут же стало ещё краснее.

Он явно хотел что-то возразить, но молодость есть молодость — когда тебя хвалят, удержать

довольство на лице почти невозможно.

После короткого колебания он всё-таки спросил:

— Правда?

Цзянь Шанвэнь кивнул:

— Правда.

Говорил он негромко, но смотрел так искренне, что за лисьей маской в его глазах отражался только Фэй Чэн.

Хотя весь вечер к Фэй Чэну цеплялись десятки людей, и это не вызывало у него почти никакой реакции, пары фраз от Цзянь Шанвэня хватило, чтобы у него буквально расцвело настроение.

Он фыркнул, стараясь сохранить невозмутимый вид:

— Ну ещё бы. У тебя хороший вкус!

Цзянь Шанвэнь тихо улыбнулся.

— А ты почему не идёшь вешать ленты? — спросил Фэй Чэн.

Место, где проводили обряд, находилось дальше по склону, поэтому здесь было относительно тихо. Всё веселье и толпа собрались у главной площадки. Сам Фэй Чэн сбежал сюда только потому, что его уже замучили приглашениями и разговорами.

И никак не ожидал встретить здесь Цзянь Шанвэня.

Тот посмотрел в сторону тёмнеющей рощи и негромко ответил:

— Не хочу больше загадывать желания.

Потому что есть вещи, которым всё равно не суждено исполниться.

Хотя сейчас его желание было очень простым — просто жить дальше.

И раз уж в этой жизни у него уже всё складывалось куда лучше, чем в прошлой, этого было более чем достаточно.

Фэй Чэн удивлённо нахмурился:

— Почему? У тебя нет желаний?

— Есть. — Цзянь Шанвэнь повернул голову к нему и мягко улыбнулся. — Просто... оно уже исполнилось. Так что жадничать не стоит.

Нет ничего важнее самой жизни.

Он смотрел на Фэй Чэна с такой спокойной искренностью, а голос звучал так мягко...

Ветер прошёлся между деревьев.

И в глазах Цзянь Шанвэня Фэй Чэн вдруг совершенно отчётливо увидел собственное отражение.

На мгновение он застыл.

Погодите...

Только не говорите, что желание Цзянь Шанвэня — это он сам?!

И теперь, раз он появился рядом, тот решил, что желание исполнилось?!

...А ведь это даже звучит вполне реально!

Фэй Чэн едва не подавился напитком.

Он судорожно попытался собраться с мыслями.

Вообще-то у него уже есть Вэнь Цзинь! Других людей в его сердце быть не может!

Но, глядя на улыбающегося Цзянь Шанвэня, который только недавно оправился после болезни, он вдруг не смог заставить себя разрушить ему настроение.

Поэтому Фэй Чэн поспешно выпалил:

— Я... пойду за едой!

И практически сбежал.

Цзянь Шанвэнь озадаченно посмотрел ему вслед, моргнул и задумчиво перевёл взгляд на далёкий стол с закусками.

Молодость всё-таки прекрасна.

Столько энергии — хоть отбавляй.

Когда Фэй Чэн подошёл к столам с едой, остальные участники шоу тоже были там.

Увидев его, Юй Цань тут же засмеялся:

— О, малыш Фэй, ты же вроде прятаться пошёл? Чего вернулся? Не пошёл завязывать красную ленту? Говорят, это дерево особенно помогает в любви. Мы, кстати, когда шли сюда, кажется, Шанвэнь не собирался. Ты его не видел? А то я могу его отвести.

При упоминании Цзянь Шанвэня у Фэй Чэна уже начиналась почти нервная реакция, но он всё-таки честно ответил:

— Видел.

Юй Цань сразу оживился:

— И что, он пошёл вешать ленту?

Несколько мужчин неподалёку тоже незаметно перевели на него взгляды.

Никто из них пока ещё не участвовал в обряде.

Но Фэй Чэн всё ещё был полностью погружён в свои мысли о словах Цзянь Шанвэня.

Он кашлянул и небрежно сказал:

— Не надо его отводить. Он хотел пойти вместе со мной. Я вообще-то сказал, что не собираюсь, но он ведь после болезни... так что пускай уж. Схожу с ним.

И едва он договорил...

«БАМ!»

Что-то с грохотом опрокинулось.

<http://bllate.org/book/17232/1639364>